

Сергей Наумов

**Орлиный там услышишь
клич**

Сергей Наумов

Орлиный там услышишь клич

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160027

Сергей Наумов. На расстоянии крика: Вече; Москва; 2004

ISBN 9533-0276 2

Аннотация

Сергей Наумов относится к тем авторам, кто создавал славу легендарного ныне "Искателя" 1970 – 80-х годов. Произведения Наумова посвящены разведчикам, добывавшим сведения в тылах вермахта, и подвигам пограничников.

Сергей Наумов

Орлиный там

услышишь клич

* * *

Их было четверо, и шли они не торопясь, тем размеренным твердым шагом, каким ходят только альпинисты. Гребень, по которому они двигались, должен был привести их к вершине. Путь к трехтысячнику начинался от голубого озера и, петляя, уводил к обнажениям, кое-где покрытым альпийскими маками, крокусами и рододендронами.

Порфирий Громов шел впереди. Его широчайшая спина то и дело закрывала вершину, остальные шли затылок в затылок: гибкий подвижный Зураб, молчаливый низкорослый крепыш Олег.

Сан Саныч замыкал группу – так решил он сам, но все догадывались: старику не хотелось, чтобы ребята видели, как ему тяжело идти.

В тридцатые годы фамилию заслуженного мастера спорта Александра Буранцева знали все, кто мечтал о восхождениях. Памир, Тянь-Шань, Алтай, кавказские пятитысячники – куда только не забрасывало его альпинистское бестропье! Он

первым штурмовал стенки.

Война оторвала его от гор. Буранцев стал первоклассным разведчиком – пригодились сноровка и выдержка альпиниста.

И все же дороги войны снова привели его в горы. Сюда, откуда он безусым парнишкой начинал свой долгий путь к вершинам.

Ребята знают о Саныче все или почти все, но старик кажется им чудачком. "Каждому делу – свой возраст", – сказал Порфирий. Сказал, не обращаясь ни к кому, глядя в бинокль на сияющие алмазным блеском снежники, но ребята поняли и промолчали, соглашаясь с Порфирием.

Когда, сверяя маршрут, Зураб расстелил на столе карту, Саныч едва заметно усмехнулся – он и без карты знал каждую расщелину. Ничего, что прошло более четверти века, – те дни, что он прожил здесь, стоили целой жизни.

Как объяснить им, что это последнее восхождение. И что совсем не вершина волнует его. Память. Вот что не дает ему покоя. Она будит его по ночам, выводит на старые тропы и всякий раз замыкается на голой гранитной стенке, обретая колючую ясность ощущений тех страшных двух часов, проведенных наедине со смертью.

Чем выше, тем снега больше. Снег раскисший, согретый солнцем. Порфирий проваливался в него по колено, остальные брели след в след.

С пронзительным криком с бесснежных стенок поднима-

лись улары. Их крики-жалобы долго плавали в прозрачном холодном воздухе.

Саньч старался не отстать, прислушиваясь к стуку сердца. Он часто и шумно дышал, как во время бега, и Зураб, обернувшись, едва заметно покачал головой, жалея старика.

Саньч знал, что ему, возможно, и не дойти до вершины, чей подкрашенный рассветом пик горел ярко и приманчиво под еще робкими лучами солнца. Ему и не очень нужен этот пик. Он был там уже не раз.

Саньчу хотелось добраться до его подножия, туда, где начинается ровная, словно стесанная гигантским топором, сто-метровая скальная стенка.

Желание увидеть эту стенку и все, что скрывали склоны правее ее, родилось в Саньче давно, может быть сразу после войны.

Тяжелое ранение, полученное в боях под Бреслау, почти не оставляло надежды на свидание с горами, а потом понадобились годы, чтобы просто ходить по земле работать, думать, жить...

О маршруте в долину Зубров он узнал из записки, висевшей на доске объявлений в институте, где Буранцев работал преподавателем. Троице альпинистам-перворазрядникам требовался четвертый. Он даже вздрогнул, когда прочитал название пика, куда собирались подняться трое студентов.

Буранцев нашел их на следующий день в спортзале, представился, сказал, что готов быть четвертым.

Они рассматривали его бесцеремонно и придирчиво.

– Мы вас знаем из книг, – сказал Порфирий Громов, – но мышцы имеют способность стареть.

И все же он убедил их, что сможет быть четвертым, ни словом не обмолвился о своих ранениях. Сам постарался забыть о них хотя бы на время восхождения.

...На гребне снег заледенел мелкими бледными зернами. Синеватые тени, отбрасываемые шпалеобразными скалами, чередовались с ослепительно оранжевыми полосами солнечного света. Вершина же отчетливо вырисовывалась на фоне ясного голубого неба.

С востока, юга и севера к вершине не подобраться – отвесная пятисотметровая стенка. И только с запада подходит к вершине гребень – путь подъема.

Снежник становится все круче, снег рыхлее и глубже. Видимо, опасаясь вызвать лавину, Порфирий вел группу по прямой.

Он с силой втыкал перед собой ледоруб – раз, правая нога вколачивалась в склон – два, левая – три... Машина, не человек. С таким и на Аннапурну можно. А в разведку? Саныч остановился, глубоко вздохнул, тяжело оперся на ледоруб, глядя, как Порфирий торит тропу.

На Громове была прозрачная нейлоновая куртка, брюки эластик и австрийские ботинки с золотым тиснением. Порфирий умел красиво одеться даже для восхождения. Угрюмоватое загорелое лицо его с длинным, хищно изогнутым

тонким носом почти никогда не распечатывалось улыбкой, словно дал он обет не смеяться.

К вечеру, взяв в лоб два "жандарма", группа вышла к желтым скалам, откуда начинался самый опасный участок пути к вершине.

На площадке, когда-то выбитой лавиной, решили сделать привал.

Буранцев лежал на спальном мешке, запрокинув голову и сняв очки, смотрел на горы, окрашенные теперь в странный фиолетовый цвет; лишь вершина пика слабо поблескивала, словно обернутая оловянной фольгой.

"Нужно встать и пройти к валуну, – думал Саныч, – там все начиналось". Он медленно встал, ковырнул ледорубом снег. На скрип встрепенулся Олег.

– Куда вы, Сан Саныч?

– Место одно хочу посмотреть...

– Место, где был прикован Прометей? – донесся из-за груды рюкзаков голос Порфирия. – Так ведь он пришпилен был на Ушбе, как гласит легенда...

– Почти угадал, – тихо сказал Буранцев, – один на Ушбе, другой здесь неподалеку.

Ребята переглянулись – они давно уже встали со своих мест и теперь с недоумением смотрели на старика.

Сан Саныч всматривался в каждого из них чуть исподлобья добрыми выцветшими глазами, зная наперед, кто первый начнет "выводить иронию".

– Саныч, у тебя голова не болит? – осторожно спросил Порфирий. – А то у меня таблетки...

– Нет, там он и был распят, и его в любой момент "эдельвейсы" могли расстрелять из карабинов.

Сказал резко, удивляясь металлическим ноткам, прозвучавшим в голосе.

Ребята промолчали.

– Тогда пошли, – сказал Зураб. – Мы не знали про это, Саныч...

Порфирий усмехнулся – не поверил.

Они поднялись по крутому склону, края которого резко обрывались вниз, в пустоту. Справа открылся узкий, как щель, "камин", и сразу за ним – гладкая, как щека, стенка, отвесно уходящая вверх.

– А егеря?.. – спросил Олег.

– Там, за гребнем, только левее. Должно что-нибудь остаться... Гильзы, может быть...

Саныч, прищурившись, не отрываясь смотрел на стенку, словно читал на ней историю своей жизни...

* * *

– Гитлеровцы! – шепот идущего впереди разведчика бросил их на снег.

Буранцев отполз за оставшийся от камнепада валун и осторожно выглянул. Белым конусообразным озером раски-

нулось перед ним небольшое плато. Со всех сторон было оно окаймлено холодными, тускло поблескивающими изморозью скалами.

И по самой середине этого застывшего "озера" двигалась длинная цепь людей с ледорубами – автоматы висели на груди. Буранцев и без бинокля разглядел выпуклые защитные очки на лицах бредущих по колено в снегу немцев. "Задача у них простая, – думал лейтенант. – Немцы хотят достичь перевального гребня раньше, чем мы. Захватив гребень, они перережут единственную дорогу, по которой должен пройти измотанный боями полк, ведущий арьергардный бой в долине".

Никто не ждал, что фашистские егеря появятся здесь. Они взяли штурмом южный склон хребта – значит, альпинисты отменные. Сколько же их? Полурота! Горные егеря из дивизии "Эдельвейс". Могут быть среди них и знакомые. Буранцев вспомнил двух баварцев, с которыми поднимался в одной связке на пик Шуровского четыре года назад.

Через полчаса егеря ступят на плотный смерзшийся фирн ледника. Еще полчаса, и немцы пройдут последний кулуар, выводящий их к перевалу.

Буранцев на мгновение вспомнил костистое, тяжелое лицо командира полка и его слова: "Не удержите перевал – нам конец. Сам видишь, раненых много".

Буранцев оглянулся. Восемь разведчиков вдавились в снег и походили на россыпь внезапно обнажившихся камней.

Ближе всех лежал Федор Мотыль, с которым Буранцева связывала старая дружба еще по довоенным восхождениям.

– Федя, – негромко позвал командир. Мотыль повернул к нему красное, обожженное солнцем лицо. – Разговор есть...

– "Эдельвейсы" расцвели, – пробормотал Федор, подползая. – Бой нужен, командир...

– Нет, Федя. Мы здесь, как куропатки на снегу. Бой нужен там...

Буранцев показал глазами на ущелье, отвесные стены которого поднимались справа и слева, образуя каменный мешок.

– Опередить фашистов можно, – тихо сказал Буранцев. – Нужно только подняться по стенке... Видишь...

– Товарищ командир... Саныч... Это же... – Федор запнулся.

Прислонившись к нагретому солнцем камню, долгим взглядом ощупывали они вздымавшуюся правее склона гигантскую скалу, похожую на башню древней крепости. Стена ее казалась подброшенной над землей да так и застывшей в воздухе.

– Ты поведешь группу и пойдешь первым, – внезапно севшим голосом приказал Буранцев. – Скальных крючьев должно хватить. Поднимешься, свяжешь страховочные веревки,крепишь намертво и спустишь вниз. Потом двинешься на перевал. Полк пойдет вечером, до вечера держать перевал. Все...

– А ты?

– Сделаю вам паузу минут на шестьдесят. Оставишь "Дегтярева" с четырьмя дисками и пару гранат. Документы мои заberi... на всякий случай. И не забудь про веревку.

Буранцев верил и не верил в то, что группа поднимется по скальной стенке, но он понимал, что другого выхода нет. Принимать бой на голом склоне безрассудно – часть немцев все равно уйдет на перевал. В случае же удачи разведчики первыми выходили к ущелью, запирающему дорогу из долины.

Себе он оставил роль отвлекающего заслона на тот случай, если враг заметит движение группы.

С плато стенку огнем не достанешь. Командир егерей бросит часть людей к камню, за которым он сейчас лежит, а значит, потеряет время.

Лейтенант слушал, как быстро и упруго стучал молоток Федора, вколачивая крючья в гранитные трещинки, и мысленно видел, как набухают вены на лбу Мотыля, как трудно ему держаться на крошечных уступчиках.

Буранцев привык на войне делать то, что в мирное время казалось невозможным, невероятным. И еще он знал, на войне нельзя ошибаться. Ошибка почти всегда стоит жизни. Как на восхождении. Кто-то небрежно забил страховочный крюк, и горы тут же мстят жестоко и неумолимо.

Сейчас от него, лейтенанта Буранцева, зависит жизнь сотен измученных непрерывными атаками людей. Нужно так

построить бой, чтобы задержать немцев как можно дольше, а потом и самому успеть преодолеть стенку и присоединиться к группе.

Выбирая лучший сектор для обстрела, Буранцев приладил пулемет и выглянул из-за валуна. Он увидел, как на мгновение в цепочке немцев что-то ослепительно блеснуло, и догадался: солнечный луч отразился от оптического прицела. Лейтенант обернулся. Федор не прошел и половины пути.

Хлопнул далекий выстрел, и белый шарик ракеты, разбрызгивая искры, взлетел над плато, останавливая егерей. Буранцев видел, как третья часть колонны, отсеченная приказом офицера, развернулась в цепь и двинулась наискось через плато.

У него еще оставалось три-четыре минуты. Он снял темные очки-консервы, прикрыл глаза и вприщур посмотрел на горы. На леднике синел фирновый снег, отражая небо. Вершина горела последними красками уходящего дня – золотом, киноварью, пурпуром.

Буранцев упер приклад пулемета в плечо. Теперь пусть идут. Они дошли до его гор, но пока он здесь, они не пройдут.

Егеря передвигались к валуну длинной редкой цепью, догадываясь о присутствии за камнем разведчика.

Когда фигуры солдат стали видны отчетливо, лейтенант нажал на спуск. Стрелял он спокойно и внимательно. Каждая

короткая очередь укладывала кого-нибудь из наступавших на снег. Они оставались темными пятнами на склоне. Вскоре немцы залегли.

"Если они снова пойдут прямо по склону, я расстреляю их всех до одного", – подумал Буранцев.

Егеря были опытными солдатами, они теперь и не думали атаковать в лоб, разделились на две группы и стали медленно и методично продвигаться к валуну слева и справа, охватывая позицию разведчика полукольцом.

Застрекотал крупнокалиберный пулемет, прикрывая атакующих. Эхо от его очередей ударялось о нагромождения скал, нависавших над плато, множилось, и Буранцеву казалось, что огонь ведут сразу несколько пулеметов.

Пули с визгом шелкали по валуну, высекая искры. Обожгло лоб и руку. Буранцев посмотрел на ладонь, испачканную темной влагой, подумал, что руку надо бы перевязать, и тут же забыл об этом.

Не сразу обнаружил он позицию фашистского пулеметчика, а когда увидел яркий сноп огня, вылетевший в пространстве между двумя рядом лежащими трупами убитых им немцев, резко повернул ствол "Дегтярева" влево, поймал в прорезь прицела вспышку огня и почти опустошил весь диск. Экономить патроны, пока живет этот проклятый пулемет, было бы непростительной ошибкой. Пулемет замолк. Лейтенант снова заставил егерей залечь. Они постреливали из автоматов, но расстояние было слишком велико, и пули, шипя,

уходили в снег.

Он позволил себе оглянуться. Стенка холодно поблескивала изморозью. Она была пуста. Веселое, глубокое чувство удачной, ладной работы охватило лейтенанта – Мотыль прошел, главное сделано. Ему показалось, что камень, за которым он лежал, нагрелся от секущих его пулевых струй. Снова заработал крупнокалиберный. Но Буранцев не обращал уже на него внимания. Упрямое стрекотание пулемета только подхлестывало его своим бешеным ритмом. Буранцев полз от валуна к "камину", волоча за собой пулемет с последним диском. Валун все еще прикрывал его. Но десять метров до каменной щели пришлось ползти под огнем. Немецкий пулеметчик слишком поздно увидел его. Лейтенант вскочил на ноги и в четыре прыжка достиг каменного козырька.

– А ну возьмите меня, попробуйте, – бормотал он в азарте, короткими очередями срезая бегущих к валуну егерей.

Теперь он видел их близко, крепких, здоровых парней в серо-зеленых мундирах и лыжных кепи с серебряными эдельвейсами.

Бульканье воды Буранцев слышал в короткий промежуток тишины – немецкий пулеметчик менял ленту. Ручеек бежал поверх зернистого снега рядом с позицией лейтенанта.

Разведчик оторвался от пулемета и припал воспаленными губами к ледяной влаге, потом опустил в нее на мгновение ладонь левой руки, задетую пулей, плеснул на лицо и тихонько рассмеялся.

Спокойствие гор приходило к человеку через рожденную солнцем и снегом отчаянную струю воды. Буранцев смеялся еще и оттого, что вновь обрел надежду уйти отседавших егерей. Все пространство перед валуном было полно гитлеровцами. Их остановили две удачно брошенные лейтенантом гранаты и последняя очередь из "Дегтярева". Буранцев отбросил ненужный теперь пулемет и, напрягаясь всем телом, быстро скользнул к подножию стенки, откуда группа Мотыля начинала подъем. Лейтенант торопился. Он находил крючья, оставленные Мотылем, щелкал карабином и лез дальше. Ему мучительно хотелось оглянуться, но он боялся потерять даже секунды.

Разведчик был задавлен усталостью и болью, кровь застилала ему глаза, он задыхался. Вся его воля подчинялась одному – еще шаг, еще метр вперед, вверх.

Он прошел самый опасный участок стенки, когда услышал приглушенные расстоянием крики немцев. В тишине раскатисто громко ухнул выстрел. Тонко вжикнула пуля над головой.

"Они добрались до камня, но прицельно стрелять еще не могут – запыхались егеря", – мелькнула тревожная мысль. С плато донесся голос, усиленный рупором:

– Русс, спасай своего Прометея!..

Потом раздался смех. И выстрел. Буранцев щекой ощутил эту пулю. Осколки, брызнувшие на месте попадания, больно ужалили лицо.

"А офицер неплохо знает мифологию", – с внезапно вспыхнувшей яростью подумал разведчик. Грохнул третий выстрел. Мимо лейтенанта змеей скользнул страховочный конец. Снайпер. Теперь все. Словно разжалась чья-то крепкая рука, и он повис над бездной. Такое высокое небо стало плотным голубым потолком. Разведчик прижался к стенке, обнял ее руками, остро чувствуя пустоту за спиной. Он поднял голову, посмотрел вверх. До края оставалось метров двадцать. Крючья торчали из стенки, как чьи-то пальцы. Буранцев стоял на крохотном выступе, держась обеими руками за другой выступ-лазун.

Рядом с виском ударила пуля. Устроили "тир", хотят, чтобы я сам... сам бросился в пропасть. Как же он раньше не догадался. Этим упитанным баварским парням важно раздавить в нем человека, личность. Измочалить его страхом, заставить метаться, потерять голову, может выть, кричать, биться об эту проклятую стенку. Они хотят насладиться его слабостью. Вон как гогочут.

Но вдруг стало необыкновенно тихо, и в этой тишине раздался глухой металлический голос, усиленный рупором:

– Русс альпинист, мы даем тебе жизнь десять минут... Проходи стенку... Мы будем смотреть... Мы будем учиться...

Тишина стояла над склоном. Немцы ждали.

– Пересчитайте убитых... – пробормотал лейтенант. – Я вам не за так достанусь...

Он подтянул оборванный пулей конец страховочной веревки, ее хватит на пять-шесть метров. Ну что ж, покажем "эдельвейсам", как штурмуют стенки.

Буранцев быстро шел по крючьям, оставленным Мотылем, щелкал карабином, в который уже раз продевал в него веревку и, едва найдя зацепку на поверхности скалы, хватался за нее и лез дальше.

Кончилась веревка. Разведчик прижался к стенке. Он гладил ее руками, надеясь найти хоть какой-нибудь выступ. Буранцев решил идти вверх без страховки и отстегнул карабин с продетым в него концом веревки. Пальцы нащупали трещинку.

Ему оставалось совсем немного до края, когда тишину разорвал тот же голос:

– Русс, слезай... Мы даем тебе плен. Ты есть первоклассный альпинист...

Буранцев замер, распятый на стенке этим голосом, ощущая затылком холодный глаз снайпера, прильнувшего к оптическому прицелу.

Теперь конец. Вот и перешагнет он порог всей своей жизни. И может быть, хорошо, что смерть настигла его в горах, где прошли лучшие дни...

– Саныч!

Голос упал с неба. Буранцев вздрогнул, прижался лбом к шершавой, покрытой мхом поверхности. Стараясь не дышать, он чуть приподнял голову и покачнулся, отброшенный

сумасшедшими ударами собственного сердца.

– Дождись цируса... Я сброшу веревку, – почти весело сыпал Федор, – тогда быстро вверх... Я прикрою...

Буранцев и сам видел легкое стремительное облако, летящее с восточной стороны хребта. Видят ли его немцы или, увлеченные спектаклем, который устроили себе, не обратили на него внимания?

Через три-четыре минуты цирус, словно туман, закрывает склон и стенку... Тогда... Федор наверху. Вернулся. Из-за меня. Он слышал, как немцы кричали в рупор. В горах далеко слышно. Слышал и догадался, в чем дело.

От наплывающего облака тянуло промозглой сыростью и свежеснеженным снегом. Что-то зашуршало над головой, и по плечу Буранцева скользнул конец толстого шнура. И сразу же оглушительно забубнил автомат Мотыля.

Белая липкая мгла ударилась в стенку и закружилась в бешеном водовороте. Разведчик рванулся вверх. Пули фыркали в плотной мгле, высекая из камней искры, но Буранцев чувствовал, что немцы стригут из автоматов то место, где он был всего каких-нибудь двадцать секунд назад. За это время он ушел вверх на целых пять метров, вложив в этот рывок весь остаток сил, всю ярость и ненависть.

Воздух ныл от пуль, не смолкая, клочкотал автомат Мотыля. Федор бил короткими очередями, заставляя баварских "орлов" залечь, искать укрытия.

Перевалившись через край, Буранцев молча вырвал авто-

мат из рук Мотыля. И, когда рассеялась белая мгла, поймал в прорезь прицела гребень, за которым лежали егеря, нажал на спуск и медленно повел стволом вдоль скал.

– Что, взяли, гады, – сухим, обожженным голосом кричал лейтенант, – взяли?.. – По его лицу, иссеченному осколками камня, текли слезы.

* * *

...Саныч умолк и обернулся: и не встретил взглядов. Ребята стояли потупившись.

Буранцев грустно улыбнулся:

– Я обманул вас, скалолазы... Мне нужно было прийти сюда еще раз... Извините.

– Чего уж, – буркнул Порфирий.

– Это вы нас извините, Саныч, – тихо сказал Зураб.

– А что стало с Федором Мотылем? – спросил Олег. – Где он?

– Там... на перевале... Погиб в бою... До прихода полка мы продержались, осталось нас трое...

– А там есть?.. – Олег смущенно умолк.

– Есть. Иobelisk, и все, что полагается. Ведь это наши горы...

Олег подошел к Буранцеву и протянул ему фляжку с жидким шоколадом:

– Саныч, ты дождись нас. Мы возьмем ник и вернемся.

Все, что нужно, оставим. У нас ведь есть вторая палатка...

Саныч сдержанно вздохнул. На лицо его набежала легкая тень, резко обозначились морщинки. Он долгим взглядом посмотрел на Олега, тихонько толкнул его в плечо:

– Иди, Олежек. Я дождусь... – Что-то в голосе его дрогнуло: – Орлиный там услышишь клич...